

УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Б 91

Л.В. Бурькина,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(8772)54-87-65, 8-918-428-28-25, e-mail: mila.burykina@mail.ru

Межконфессиональные отношения на Северо-Западном Кавказе в XIX — начале XX вв.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются конфессиональные особенности Северо-Западного Кавказа в XIX — начале XX вв., даётся оценка религиозного фактора в истории региона, анализируются проблемы, связанные с феноменом мусульманства в региональном северо-кавказском преломлении. Автор приходит к выводу, что в начале XX в. администрация Северо-Западного Кавказа корректировала религиозные процессы в регионе в фарватере основной российской конфессии, направляя свои усилия на укрепление российской государственности.

Ключевые слова: конфессиональные группы, государственное регулирование, веротерпимость, Северо-Западный Кавказ, религиозный фактор, христиане, мусульмане, религиозные секты.

L.V. Burykina,

Candidate of History, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph. 8-(8772)54-87-65, 8-918-428-28-25, e-mail: mila.burykina@mail.ru

Interfaith relations in the North West Caucasus in the 19th — early 20th centuries

Abstract. The paper considers interfaith peculiarities of the North Caucasus in the 19th — early 20th centuries. Assessment is given of religious factor in the history of the region. Analysis is made of problems associated with the phenomenon of Islam in the North Caucasus regional refraction. The author comes to the conclusion that in the early 20th century the administration of the North-West Caucasus adjusted religious developments in the region in the wake of Russia's main religion, in its efforts to strengthen the Russian state.

Keywords: confessional groups, state regulation, tolerance, North-West Caucasus, religious factor, Christians, muslims, religious sects.

Северо-Западный Кавказ принадлежал к числу регионов, которые в XIX в. заселялись наиболее интенсивно. Благодаря всё возрастающей регламентации жизни адыгов, казаков и иногородних, идеологическому влиянию на них и формированию стереотипа сопричастности к могучей империи постепенно складывались представления о Кавказе как неотъемлемой ча-

сти России, естественном продолжении её территории.

Ключевым принципом политики царизма на Кавказе был централизм, ориентированный на унификацию и стандартизацию законодательства и государственно-административной структуры управления. Особое внимание уделялось религиозному фактору, поскольку с помощью веры старались

изменять нравы воинственных горцев и привлекать их к мирной жизни.

Созданная по указанию Александра I в Тифлисе в 1814 г. Духовная Осетинская Комиссия была призвана наряду с распространением христианства среди горцев внушать им идеи о пользе подчинения законам Российской империи и выполнении требований кавказской администрации.

Однако, по мнению архиепископа Евгения, «рассматривая действия означенной Комиссии, нельзя не заметить чрезвычайно важной ошибки, сделанной проповедниками при самом начале ее действий. Народу полудикому, в коем рассудок не есть путеводитель страстей, от природы жадному к прибыли и по скудности природных средств живущему в крайней нищете, для успеха действий своих она проповедовала свободу и неповиновение властям, законами утвержденными, а также и уничтожение платежа податей, для тех, кои примут христианство» [1]. Безусловно, такой упрощенный вариант решения проблем не мог дать сколь-нибудь значительных результатов. Многие новокрещенные ради получения дополнительных даров не считали зазорным переходить в христианство несколько раз. Впоследствии такие «христиане» легко отрекались от своих убеждений и принимали другую веру. В связи с этим генерал И.Ф.Паскевич призывал создать общество миссионеров, «которое успешнее может спешествовать цели правительства, как это опытом уже доказано» [2].

По предложению архиепископа Евгения, «...распространение между горцами христианства, имея целью дело Богу приятное, должно вмещать в себя и цель политическую. Народы сии, считающиеся под властью России, до сею времени мало покорены правительству и, следовательно, озарение их религиею должно сблизить их с Россией... Необходимо познание языка того народа, в котором должно распространяться учение» [3]. Согласно Высочайшей Воле Николая I 13 апреля 1829 г. было решено организовать Миссионерское общество на Кавказе.

Царское правительство, обладая информацией, что «...на восточном берегу Черного моря, от Анапы до границ Гурии, производим был торг невольниками», отдало в 1832 г. приказ останавливать суда нарушителей и, «если бы между подобными задерживаемыми судами оказалось таковое с невольниками, то из сих: взрослых, помнящих родство, возвращать на родину, а малолетних обою пола, родства не помнящих, отдавать в ближайше приказы общественного призрения, для воспитания в христианстве Греко-Российского исповедания на общих правилах о сиротах» [4]. Если невольники желали принять христианство, то в этом случае российские власти предоставляли им личную свободу [5].

Не только власть имущие, но и выдающиеся представители российской интеллигенции рассматривали религию в качестве мирного способа решения кавказской проблемы. А.С. Пушкин считал «проповедание Евангелия» как одну из существенных мер по изменению ментальности кавказских горцев, в связи с чем главного героя своей неоконченной поэмы «Тазит» хотел сделать христианином, показывая, как может измениться человек под воздействием православия [6].

Проповедью христианства царизм не ограничивался. Для борьбы с мюридизмом он применял методы горцев, стремясь с помощью Корана сформировать лояльное отношение местного населения к имперской власти. Подобная практика внедрялась в 20-е гг. XIX в. А.П. Ермоловым, сформулировавшим молитву для мусульман Кавказа, в которой верующие должны были просить у Бога здоровья для российского монарха [7].

Однако в непростых кавказских условиях от проповеди православных постулатов можно было ожидать отдачи далеко не в ближайшем будущем, поскольку христианские идеи, столь скрупулезно засеваемые священнослужителями в кавказскую почву, не могли дать скорых плодов, и остановить в данный момент конфронтацию были не в состоянии, но в перспективе

они являлись залогом прочного вхождения этого региона в состав Российского государства.

После окончания Кавказской войны в целях интеграции Северо-Западного Кавказа в систему Российской империи возникла необходимость государственного регулирования деятельности Русской православной церкви, старообрядцев, католиков, протестантов, мусульман, иудеев, Армянской апостольской церкви, буддистов, караимов и представителей религиозных сект на территории поликонфессионального региона.

Конфессиональные особенности Северо-Западного Кавказа исследовались дореволюционными кубанскими историками. Так, Ф.А. Щербина в «Истории Кубанского казачьего войска» и докладе «Хлыстовщина в станице Переяславской Кубанской области» дает оценку роли религиозного фактора в истории региона, пишет о расселении старообрядцев, выявляет причины распространения сектантства и представляет обширный фактический материал о наиболее распространенной на Кубани секте хлыстов [8].

Управление деятельностью Русской православной церковью происходило посредством образованной еще 1 января 1843 г. Кавказской епархии с центром в г. Ставрополе. В 1885 г. была организована Ставропольская епархия [9], распространявшая своё влияние на Ставропольскую губернию и Кубанскую область [10]. Проблема дефицита квалифицированного духовенства наиболее актуальна была в Закубанье, в связи с чем епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов) отмечал, что «духовенство Кавказа первоначально собиралось в этот отдаленный край из разных мест России. Выходцы эти не отличались особым благонравием, принадлежали по преимуществу к разряду людей, не надеявшихся на получение хороших мест на родине» [11]. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский, подчеркивал, что «уже в самом начале массового заселения Закубанского края военные власти принимали в рас-

чет угрозу активизации фанатически настроенных элементов сектантства и старообрядчества среди жителей новых казачьих станиц в случае длительного отсутствия в них православных священников и церквей» [12]. Н.И. Евдокимов утверждал, что «священно и церковнослужители, поступающие в новые станицы, должны быть подчинены либо главному священнику Кавказской армии, либо епархиальному архиерею», но, считал он, «подчиняясь епархиальному начальству, духовенство здешнего края находится под ближайшим надзором» [13]. Согласно принятому проекту графа Н.И. Евдокимова, закубанское духовенство должно было подчиняться главному священнику Кавказской армии [14].

Подавляющее большинство русского православного духовенства традиционно придерживалось убеждения в возможности и необходимости сосуществования в России различных вер, что соответствовало проводимой государственной политике. По действующему российскому законодательству, «порицание других церквей подвергалось запрещению» [15], тогда как католические священнослужители полагали возможным обращать в свою веру при помощи «святой» инквизиции по принципу «чья власть, того и вера» [16]. Согласно статье 62 главы «О вере» Полного свода законов Российской Империи: «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Вместе с тем в статье 67 подчёркивалось: «свобода веры присваивается не токмо Христианам иноглавных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и Язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и вероисповеданию праотцев своих, благославляя царствование Российских Монархов и воля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи» [17].

Об отсутствии в России какой-либо дискриминации других религий, в том числе и ислама, было известно в странах

зарубежного Востока. По мнению С.В. Лурье, такая практика прослеживалась и в Византийской империи, где проповедь православия также не возводилась в ранг государственной политики и проводилась только монахами [18]. Сравнивая положение мусульман в Европе и России, крымско-татарский политик, издатель, просветитель Исмаил Гаспринский в 1881 г. отмечал: «Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы» [19].

Часть исследователей полагает, что идеология веротерпимости в российской политике стала превалировать после указа Екатерины II 1773 г., согласно которому общее заведование различными конфессиями передавалось светской, а не религиозной власти, что позволяло «иноверным исповеданиям» быть свободными от влияния православной церкви [20]. Подобное отношение к представителям иных конфессий в политике российского государства наблюдалось и на более ранних стадиях его развития. Одной из причин лояльного отношения к исламу в России являлось то обстоятельство, что в составе империи монголов само восточнославянское население в основном не познало никаких религиозных притеснений. Диаметрально противоположным было положение южных славян в Османской Порте, где они, как христиане, претерпевали религиозные гонения [21]. В 1584 г. Московский царь Фёдор Иоаннович даже поручил своему посланнику в Стамбуле Благову убедить турецких пашей о безосновательности «жалоб Османской Порты на притеснения магометан в России», поскольку магометанство «на русской территории нигде не притесняется» [22]. В российском государстве такое состояние не только обрело стабильность, но и со временем увеличивало свои интеграционные возможности.

После вступления в силу указа «Об укреплении начал веротерпимо-

сти» и провозглашения свободы вероисповедания в 1905 г. на Северо-Западном Кавказе повышается религиозная мобильность неправославных конфессий [23]. Первостепенной задачей Русской православной церкви в регионе было сохранение и упрочение своих позиций в изменяющихся условиях, обеспечение лояльности населения региона и экономического процветания.

Межкультурные контакты населения Северо-Западного Кавказа способствовали переходу некоторых горцев в православие, что приветствовалось епархиальными и местными властями. Присоединение к православному вероисповеданию происходило по желанию горца и в строгом соответствии с общероссийскими законами. Если до начала XX в. практиковалось изъятие принявшего крещение по православному обряду горца из привычной ему мусульманской среды, то после либерализации вероисповедного законодательства обязательные переселения горцев прекратились, но новокрещенным обеспечивалась защита местных властей от возможных притеснений прежних единоверцев [24]. Иногда горцы после крещения просили власти о позволении служить в Кубанском казачьем войске [25]. «По итогам 45 лет было крещено 60 человек, получается, что за год крестили одного, максимум двух адыгов», — указывает Р.А. Остапенко [26].

В контексте либерализации религиозного законодательства в начале XX в. существенной модификации в системе управления мусульманами Северо-Западного Кавказа не произошло, поскольку на практике религиозная жизнь последователей ислама в регионе корректировалась распоряжениями местной администрации в рамках общероссийского законодательства. В.А. Матвеев отмечает, что «наследие, связанное с феноменом российского мусульманства, в том числе в региональном северокавказском преломлении, в полной мере до сих пор остается не востребованным. Его осмысление между тем позволяет более глубоко и разносторонне осмыслить не только различные проблемы,

существовавшие в прошлом, но и современные, требующие решения» [27].

Христианство в Армении распространялось с апостольских времен. Армения стала первой страной, в которой христианство утвердило свое господство. На Северо-Западном Кавказе армянские церкви появляются рано. В Армавире некоторое время находился престол армянской епархии в России. В Екатеринодаре армянская церковь строится уже в 1801 г. [28]. Согласно утвержденному 11 марта 1836 г. Положению об армяно-григорианской церкви в России, Армянская апостольская церковь являлась автономной. Высшее управление Армянской апостольской церковью осуществлял Эчмиадзинский патриарх — католикос всех армян [29]. После упразднения Кавказского наместничества в 1881 г. «обрусение туземцев было признано первейшей задачей новой кавказской администрации...» [30]. В июне 1903 г. был утвержден проект Г.С. Голицына об изъятии имущества у армянской церкви на основе принципа секуляризации церковных имуществ, что повлекло за собой резко возросшую активность революционных организаций армян. И только благодаря указу Николая II от 1 августа 1905 г. армянской церкви возвращались недвижимое имущество и капиталы.

Указ о свободе вероисповедания стал основой изданных 10 октября 1906 г. положений «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общины последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» [31]. Религиозные общины получили право регистрации. Совет общины был подотчетен губернским и областным властям [32]. С целью уравнения сектантов в правах с лицами христианских исповеданий и четкой регламентации их деятельности была создана система контроля за функционированием старообрядческих и сектантских объединений.

В 1904 г. по данным Ставропольской епархии в Кубанской области проживали иудействующие (4326 чело-

век), штундисты (188 человек), штундобаптисты (1232 человека), молокане (635 человек), духоборцы (94 человека), адвентисты (24 человека), хлысты (3304 человека), скопцы (47 человек), толстовцы (2 человека) [33].

После принятия указа о веротерпимости в течение 1908-1910 гг. в Кубанской области были зарегистрированы четыре общины «Нового Израиля», община караимская, община иудействующих, шесть баптистских общин, община евангельских христиан и община иногородних, признающих Ветхий завет и талмуд [34].

Изменение состава конфессиональных групп на Северо-Западном Кавказе не было значительным, что свидетельствовало об отсутствии здесь притеснений представителей инославных и иноверных исповеданий. Следует подчеркнуть, что и до издания указа о веротерпимости представители власти, учитывая главную функцию казаков — выполнение воинского долга — относились к казакам-раскольникам более лояльно, чем в неказачьих регионах [35].

В годы первой мировой войны католики и протестанты, проживающие на Северо-Западном Кавказе, находились под неусыпным надзором властей, права колонистов ущемлялись. Отмечались отказы от военной службы меннонитов, баптистов, адвентистов, молокан, евангельских христиан и представителей других религиозных течений. Государство стремилось пресечь в обществе антивоенные настроения. Однако с 1917 г. в связи с изменением политической ситуации в стране контроль за функционированием религиозных объединений ослабевает.

На Северо-Западном Кавказе в XIX — начале XX в. не было места каким-то значительным конфликтам на религиозной почве. Исключения могли составлять лишь случаи, связанные с неприязнью к новым «нетрадиционным» сектантским течениям, а также с активной миссионерской деятельностью православного духовенства. Наиболее инициативны на этом поприще были секты баптистов и Нового Израиля. В конце XIX — начале XX вв.

фиксируется ряд попыток выселения навязчивых пропагандистов баптизма из кубанских станиц постановлением общественных сходов [36]. В 1909 г. в ст. Камышеватской был исключительный для населения Северо-Западного Кавказа случай погрома новоизраильтян. Но подобные происшествия не оставили заметного отпечатка в жизни станичных обществ.

Таким образом, в начале XX в. администрация Северо-Западного Кавказа корректировала религиозные процессы в регионе в фарватере основной российской конфессии, направляя свои усилия на укрепление российской государственности и активизацию российского общества, сплочение всех россиян независимо от их конфессиональной и культурной принадлежности.

Примечания:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. Т. VIII. С. 248.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. С. 246.
3. Там же. Т. VIII. С. 254.
4. Там же. С. 850.
5. Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII в.-60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп: Адыг. кн. изд.-во, 1991. Вып. VIII. С. 217.
6. Опрышко О.Л. Через века и судьбы: документальное повествование. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 273.
7. Берже А.П. Молитва для мусульман на Кавказе, составил в 1820 г. А.П. Ермолов // Русская старина. 1881. Октябрь. С. 454.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. М.: Вече, 2012. С. 769-786; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 5298.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1258. Л. 2 об.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 74. Д. 890. Л. 16.
11. Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М.: Рос. нац. библиотека, 2002. С. 274.
12. Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992. С. 133.
13. ГАКК. Ф. 352. Оп. 2. Д. 385. Л. 16.
14. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник / Кубанский областной статистический комитет. Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 393.
15. Шиманов Г. Что мы знаем о самодержавии // Молодая гвардия. 1994. №1. С. 147.
16. Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. №6. С. 43.
17. Полный свод законов Российской империи: в 2 кн. / под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1, т. 1. СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1911. С. 1, 6-7.
18. Лурье С.В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы — Константинополь — Палестина — Эфиопия // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 158.
19. Гаспринский И.Б. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2 ч. М.: Наука, 1994. Ч. 1. С. 258.
20. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 18.
21. Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI-XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Московский университет. Ученые записки. М., 1896. Вып. 11. С. 150.
22. Там же. С. 75.
23. ГАКК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.
24. Кумпан Е.Н. Принятие православия горцами в контексте взаимоотношений народов Северо-Западного Кавказа второй половины XIX — начала XX вв. // Ф.А. Щербина, Казачество и народы Юга России: история и современность: сб. материалов VI междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: ИМСИТ, 2007. С. 114.

25. ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.
26. Остапенко Р.А. Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.). Краснодар: Издательский Дом — Юг, 2012. С. 148.
27. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Армавир; Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2004. С. 51.
28. Кукуян В.Г. Власть и духовность: духовная и организационная практика Армянской апостольской церкви на Кубани // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани. К 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-й годовщине освоения казаками кубанских земель: материалы межрегион. науч.-практ. конф. XII Адлерские чтения. Краснодар: Традиция, 2007. С. 151.
29. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Л. 15.
30. Там же. Оп. 19. Д. 2. Л. 42.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб.: Государственная типография, 1909. Т. 26. Ст. 28425.
32. Там же. Ст. 28424.
33. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1997. Л. 20.
34. Там же. Ф. 821. Оп. 150. Д. 445. Лл. 70-72.
35. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 35. Л. 3, 8.
36. Крюков А.В. Религиозные секты на Кубани: становление, внутреннее развитие, взаимоотношения с государственными и общественными институтами (30-е гг. XIX в. — 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. С. 9.

References:

1. Acts collected by the Caucasian archeografic commission (АКАК). Tiflis. Publishing office of the General Directorate of the governor of the Caucasus, 1881. v. VIII, P.248.
2. Acts collected by the Caucasian archeografic commission (АКАК). Tiflis. Publishing office of the General Directorate of the governor of the Caucasus, 1878. v. VII. P.246.
3. Ibidem. v.VIII, p.254.
4. Ibidem. P. 850.
5. Kerashev A.T. Fugitive Circassians in Russia in the 18th — 1860s // Culture and life of Circassians (ethnographic research).Maikop: Adyghea Publishing House, 1991. Iss. VIII. P.217.
6. Opryshko O.L. Throughout the centuries and the fate: documentary narration. Nalchik: Elbrus, 1982. P.273.
7. Berge A.P. Prayer for Muslims in the Caucasus, composed in 1820, A.P. Ermolov, Russian Antiquities. 1881. October. P.454.
8. Sherbina F.A. The history of the Kuban Cossacks Army.V 2. M.: Veche, 2012. P.769-786. The State archive of the Krasnodar territory(GAKK). F.454. Op.1. D.5298.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F.796. Op.442. D.1258. L.2ob.
10. The State Archive of the Stavropol territory (GASK). F.135. Op.74. D.890. L 16.
11. Life of Bishop Ignatij Bryanchaninov. M.: Rus. nat. library, 2002. P.274.
12. Gedeon, metropolitan of Stavropol and Baku. The history of Christianity in the Northern Caucasus before and after joining it to Russ. M.: Pyatigorsk. 1992. P.133.
13. ГАКК. F.352. Op.2. D.385. L.16.
14. Korolenko P.P. Relocation of the Cossacks to Kuban. Russian colonization in the western Caucasus // Kuban collection / The Kuban regional statistics committee. V 16. Ekaterinodar. 1991. P.393.
15. Shimanov G. What do we know about autocracy? // Molodaya Gvardia. 1994. №1. P. 147.
16. Ivonin Yu.E. Imperial idea and the problem of statehood in the western Europe of the 16th century// Questions of History. 1993. №6. P.43.
17. Complete set of Russian Empire laws: in 2 books / edited by A.A. Dobrovolsky. Book 1. V1. SPb.: Rus. books association "Deyatel", 1911. P.1, 6-7.
18. Lourie S.V. Ideology and geopolitical action. Vector of Russian cultural expansion: Balkans-Constantinople-Palestine-Ethiopia // Civilization and cultures. M. 1996. Ed.3. P.158.
19. Gasprinsky I.B. Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim // In search of its own way: Russia between Europe and Asia: in 2 parts, M.: Science, 1994. P.258.
20. Islam in Russian Empire (law acts, descriptions, statistics) / compiled by D.Yu. Arapov. M., 2001. P.18.
21. Russian policy in the Eastern question. (Its history in the 16th-19th centuries, critical assessment and future tasks). Historical and legal essays of S.Zhigarev // Moscow University. Memoirs. M., 1896. Ed.11. P.150.

22. Ibidem. P.75.
23. GAKK. F.439. Op.1. D.43. L.2.
24. Kumpan E.N. Adoption of Christianity by mountaneerers in the context of relations between people of North Western Caucasus of the second half of the 19th-early 20th centuries // F.A. Sherbina, Cossacks and people of the South of Russia: history and modern age: collection of Materials from VI International research and practice conference, Krasnodar: IMSIT, 2007. P.114.
25. GAKK. F.774. Op.2. D.80. L.7.
26. Ostapenko R.A. Orthodox mission of the Circassians of the North Western Caucasus (1864-1917). Krasnodar. Publishing House —Yug, 2012. P.148.
27. Matveev V.A. Russian Islam in the Northern Caucasus:historical aspects of the problem. Armavir; Rostov-on-Don: publishing office of RSU, 2004. P.51.
28. Kukuyan V.G. Authority and spirituality: spiritual and organizational practice of the Armenian Apostolic Church in the Kuban area // Social and economical, political and historical aspects of the development of Kuban. By the 70th anniversary of the foundation of the Krasnodar territory and the 215th anniversary of the Cossacks settling at Kuban lands: materials of interregional scientific and practical conference. XII Adler readings. Krasnodar: Traditsia. 2007. P.151.
29. RGIA. F.1276. Op.4. D.830. L.151.
30. Ibidem. Op.19. D.2. L.42.
31. Complete collection of Russian Empire's law. Col.3. SPb.: State Printing House, 1909. V.26. P.28425.
32. Ibidem. P.28424.
33. RGIA. F796. Op.442. D.1997. L.20.
34. Ibidem. F.821. Op.150. D.445. Ll.70-72.
35. GAKK. F.449. Op.2. D.35. L.3,8.
36. Kryukov A.V. Religious sects in the Kuban: formation, inner development, relations with the state and public institutes (1830s and 1917): Dissertation abstract...Candidate of Historical Science. Krasnodar. 2004. P.9.